

Воздушная мощь России как инструмент политики АВАРИЙНОСТЬ УМНОЖЕННАЯ НА АВАНТЮРНОСТЬ

Аналитическая записка № 398
ПОНАРС Евразия
Ноябрь 2015 года

Павел К. Баев
Институт исследований мира, Осло

Российская интервенция в Сирии была успешной превыше всех ожиданий в течение первых двух недель, когда весьма ограниченное проецирование воздушной мощи произвело огромное политическое впечатление. К концу первого месяца операции стало ясно, что существенного воздействия на ход сложносочиненной гражданской войны в Сирии она не оказала. На десятой неделе операции произошла первая катастрофа: российский бомбардировщик Су-24 был сбит турецким истребителем F-16. Высказывание президента В. Путина о том, что «лучшего учения трудно себе представить» (большая пресс-конференция 17 декабря), свидетельствует об отказе от переоценки рисков и готовности играть на их повышение. Российское руководство отменяет сомнения относительно эффективности использования воздушной мощи в качестве инструмента политики, и это превращает технические вопросы о ходе модернизации ВВС в международно-политическую проблему.

И в каждом пропеллере дышит...

Войны XXI века, в том числе и локальные, ведутся (хотя и не всегда выигрываются) преимущественно в воздушном измерении, как это и предрекал сто лет назад итальянский теоретик воздушной мощи Джулио Дуэ. Россия за неполные 25 лет своей пост-советской истории успела накопить уникальный опыт участия в локальных конфликтах, но использование ВВС в них было крайне ограниченным, далеко уступая воздушным операциям СССР в Афганистане. Война с Грузией в августе 2008 г. преподала в основном негативные уроки: при высоком уровне потерь (шесть единиц, включая дальний

бомбардировщик Ту-22М3), результаты ударов с воздуха были малозначительными, а несколько бомб, сброшенных на Гори, произвели международный резонанс, крайне невыгодный для Москвы.

Молниеносная спецоперация по захвату Крыма в конце февраля – начале марта 2014 г. обошлась без использования «воздушного моста», хотя аэропорт Симферополя был одним из первых объектов, занятых российским спецназом. Массированные переброски войск и техники шли в основном морем через базу в Севастополе, а также через Керченский пролив, поскольку украинские гарнизоны в Керчи и Феодосии не предприняли никаких попыток заблокировать эту географическую узкость. Стратегическая ценность Крыма для России на Черноморском театре задается, тем не менее, именно возможностью проецировать воздушную силу, для чего в кратчайшие сроки была развернута группировка ВВС со штабом на авиабазе Бельбек. В октябре 2014 года и в мае 2015 года бомбардировщики Су-24 с этой базы совершили имитации атак на эсминцы *Donald Cook* и *Ross* ВМС США в нейтральных водах Черного моря. В июле 2015 года командование ВВС объявило о плане развертывания в Крыму эскадрильи дальних бомбардировщиков Ту-22М3 в качестве ответа на развертывание элементов передового эшелона ПРО США в Румынии.

Одной из особенностей «гибридной войны» в Донбассе, разгоревшейся сразу после аннексии Крыма, была невозможность для России использовать воздушную мощь, поскольку первый же удар с воздуха ликвидировал бы возможность отрицать прямое участие российских войск, которая является принципиально важной для президента В. Путина. В первые месяцы войны Украина имела эффективное господство в воздухе, и для нейтрализации этого преимущества Россия поставила сепаратистам значительное количество средств ПВО. Украинские ВВС начали нести потери, но 17 июля 2014 года ракетная установка Бук-М1, накануне прибывшая из России, уничтожила *Boeing-777* малайской авиакомпании *Malaysia Airlines*, выполнявший рейс МН-17 из Амстердама. После этой трагедии, унесшей жизни 298 людей, Украина полностью прекратила боевое использование ВВС, и военные действия приобрели характер окопной войны и отдельных танковых атак.

И в ходе активной фазы этой войны (до марта 2015 года), и в ходе ожесточенного перемирия, которое продолжается до настоящего времени, Россия искала возможности для демонстрации мощи своих ВВС, которые оставались свободными от участия в боях в Донбассе. С середины 2014 года главным театром для этих демонстраций стала

Прибалтика, где помимо учений разворачивалась серия провокационных воздушных перехватов, как например, опасное сближение истребителя Су-27 с американским разведывательным самолетом RC-135U 7 апреля 2015 года. Примечательно, что российские боевые самолеты тестировали эффективность систем ПВО не только стран НАТО (включая Данию), но и нейтральных Швеции и Финляндии, тщательно избегая при этом каких-либо приближений к воздушному пространству Германии. Эта активность заставила НАТО принять серию ответных мер, включая усиление воздушной миссии в Прибалтике (Baltic Air Policing mission) и подготовку авиабаз в Польше. Эффективность патрулирования была продемонстрирована при перехвате истребителями НАТО группы российских самолетов (4 истребителя Су-34, 4 истребителя МиГ-31 и 2 транспортных самолета Ан-26) 24 июля 2015 года. Эскалация взаимных демонстраций продолжалась все лето 2015 года, но с сентября Россия резко сократила интенсивность полетов, что привело к ответному снижению активности ВВС НАТО.

Еще одним театром, на котором российские ВВС активно модернизируют свою инфраструктуру, стала Арктика, где только Россия наращивает военные приготовления. Мощная группировка сил на Кольском полуострове осваивает новые базы не только в западной части театра (на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа), но и в более сложной восточной Арктике (остров Котельный и остров Врангеля). ВВС выступает одним из главных заказчиков нового строительства; яркой демонстрацией возможностей по проецированию силы с воздуха стало десантирование взвода ВДВ на ледовый аэродром возле Северного полюса в апреле 2014 и апреле 2015 года. Демонстрируя готовность отразить новые угрозы, Норвегия, Швеция и Финляндия совместно организовали в мае 2015 года международные учения ВВС *Arctic Challenge 2015* с участием более 100 боевых самолетов (включая принадлежащие НАТО самолеты AWACS). Россия ответила внезапной проверкой сил Центрального военного округа и вновь созданного объединенного командования Север, в котором участвовали 250 самолетов. Еще одной демонстрацией стал сверх-дальний (13.000 км) боевой вылет (19 ноября) пары стратегических бомбардировщиков Ту-160 с базы Оленегорск на Кольском полуострове, с запуском крылатых ракет из акватории Средиземного моря.

Крылья над Сирией

Интервенция в Сирии стала кульминацией использования воздушной мощи как инструмента политики России, и самый сильный эффект был достигнут молниеносностью

этого использования: первая партия спец-груза прибыла в пункт базирования ВМС в Тартусе в первую неделю сентября, а в последний день этого месяца российские самолеты провели первые боевые вылеты сaspex оборудованной базы Хмеймим под Латакией. Первый месяц интервенции прошел на удивление гладко, но затем стало очевидно, что продолжение операции на уровне 30-50 вылетов в день не имеет большого смысла в плане создания перелома в ходе затяжной войны, а тыловое обеспечения становится все более сложной задачей. Состав смешанного авиаполка указывал, что операция нацелена на решение трех разных задач: непосредственная поддержка боевых действий на земле (12 штурмовиков Су-25 и 6 вертолетов Ми-24; нанесение ударов на всю глубину театра (6 бомбардировщиков Су-34 и 12 бомбардировщиков Су-24); и прикрытие базы и боевых вылетов (6 истребителей Су-30 и ракетные комплексы ПВО *Панцирь* С-1 и *Бук* М-2). Ни одна из задач не решалась удовлетворительно, и попытки правительственных войск перейти в наступление оказались безуспешными.

Отсутствие осязаемых результатов привело к первому шагу в эскалации интервенции, когда корабли Каспийской флотилии нанесли удар крылатыми ракетами большой дальности. Вторым шагом стало подключение стратегической авиации, которая наносила удары не только крылатыми ракетами, но и неуправляемыми бомбами. Потеря бомбардировщика Су-24 в результате перехвата турецким истребителем F-16 заставила пойти на еще один шаг и перебросить в Сирию дополнительно 12 истребителей Су-30 и ракетный комплекс ПВО С-400 *Триумф*. Снабжение усиленной группировки становится все более острой проблемой; еще в ноябре ВМС вынужден был приобрести у тогда еще дружественной Турции восемь транспортных судов для доставки необходимых грузов (включая топливо и боеприпасы). Оценки стоимости операции возросли с 2.5 миллионов до 8.5 миллионов долларов в день, и каждая следующая ступень эскалации делает ее все менее устойчивой. Вероятность новых потерь в результате боестолкновений и аварий нарастает экспоненциально, равно как и вероятность террористических и диверсионных акций, но готовность к таким испытаниям и неудачам отсутствует, во всяком случае на политическом уровне. Разнузданная пропаганда делает невозможной трезвую оценку возможностей и ограничений на применение воздушной мощи.

Проблемы полу-реформы и недо-модернизации

Значительное повышение интенсивности учений и тренировочных полетов ВВС не могло не привести к повышению аварийности, но серия катастроф летом 2015 года оказалась

беспрецедентной. По крайней мере шесть боевых самолетов (два бомбардировщика Ту-95МС, два истребителя МиГ-29, один бомбардировщик Су-24М и один бомбардировщик Су-34) разбились на аэродромах и над территорией России, и в стратегической авиации таких потерь не было за весь пост-советский период. К счастью, ни одной аварии не произошло в ходе демонстративных приближений к воздушному пространству стран НАТО и при перехвате военных и гражданских целей «противника», иначе подозрения во враждебных действиях могли бы вызвать кризис, аналогичный разворачивающемуся в отношениях с Турцией после атаки на «незащищенный бомбардировщик» Су-24. Ни одной аварии до сих пор не было отмечено и на перегруженной и плохо оборудованной авиабазе Хмеймим, но катастрофа с истребителем МиГ-31 над Камчаткой 31 октября 2015 года напомнила о крайне высоком риске технических сбоев в Сирии. Директива на сохранение высокого уровня интенсивности полетов остается в силе, но ее выполнение продолжается в условиях значительного сокращения финансирования, от которого страдают в первую очередь текущий ремонт, аэродромное обслуживание и тыловое обеспечение.

Проблемы финансирования встали на пути осуществления Государственной Программы Вооружений 2020 с самого момента ее утверждения в начале 2011 года, поскольку ее количественные параметры (включая 350 боевых самолетов и 1000 вертолетов) не стыковались со стоимостью необходимого расширения производства. Прекращение кооперационных связей с Украиной с весны 2014 года крайне негативно сказалось на планах перевооружения ВВС, в особенности на обновлении изношенного вертолетного парка (двигатели для вертолетов конструкции Миля и Камова производились на заводе *Мотор-Сич* в Запорожье), а также транспортной авиации (самолеты Ан-124 и Ан-70 разработаны конструкторским бюро Антонова в Киеве). Поставки радаров для истребителей МиГ-27 и Су-27 (производились на заводе *Новатор* в Хмельницком) также прекращены, и импортзамещение пока не налажено. Неопределенным остается осуществление важнейшего проекта создания истребителя «пятого поколения» Т-50 (ПАК-ФА), кроме того, что многократный рост его стоимости заставил Министерство Обороны сократить госзаказ с 52 до 12 единиц, тогда как Индия подтвердила готовность закупить 150 самолетов совместного производства.

Необходимость серьезного пересмотра Программы Вооружений 2020 стала безусловной, но принятие Программы 2025 отложено на неопределенный срок, поскольку политическое руководство не готово признать тот непреложный факт, что вместо намеченного наращивания закупок широкого списка систем оружия в наступающей пятилетке

неизбежно их резкое падение по сравнению с 2011-2015 годами. Одним из ключевых параметров этого пересмотра должен быть план модернизации стратегической авиации, который был прописан весьма нечетко в Программе 2020, но сейчас становится безотлагательным, не в последнюю очередь ввиду активного использования этой традиционно слабейшей компоненты российской стратегической триады для различного рода демонстраций силы в ходе разворачивающейся конфронтации с Западом. Нарастающая изношенность парка бомбардировщиков Ту-95МС (разработки середины 1950х годов, но производства начала 1980х) делает проблематичным продолжение их эксплуатации после 2020 года и невозможным – после 2025 года, но конструкторское бюро Туполева не готово изготовить первый прототип бомбардировщика нового поколения ПАК-ДА ранее 2020 года. Эта ситуация заставила в мае 2015 года принять решение о возобновлении производства бомбардировщиков Ту-160 на казанском заводе (имени С.П.Горбунова) и выдать госзаказ на 50 единиц. Эта, по всей видимости, единственная возможность сохранить стратегическую авиацию опирается в технологические проблемы производства двигателя НК-32 (разработки конца 1970х годов) на заводе Кузнецов в Самаре, которые в условиях экономических санкций являются неразрешимыми. Можно отметить, что все аварийные ситуации в стратегической авиации (включая взрыв в воздухе бомбардировщика Ту-160 в сентябре 2003 года) были связаны с неполадками в двигателях.

Отдельной и специфической проблемой в развитии ВВС является чрезмерное разнообразие парка самолетов, связанное не только с советским наследием квази-конкуренции нескольких конструкторских бюро, но и с многолетним приоритетом на продление сроков эксплуатации машин путем частичной или углубленной модернизации. Результатом стала исключительно сложная структура боевых частей, в которой наличествуют небольшие партии машин различных типов и модификаций (например, в категории многоцелевых истребителей имеется четыре модификации Су-27, четыре модификации МиГ-29, а также самолеты МиГ-31, Су-30 и Су-35). Эта проблема была усугублена на начальном этапе военной реформы, когда вместо относительно однотипных авиационных полков были сформированы более крупные авиабазы, на которых развернуты самолеты и вертолеты десятков типов и вариантов. Примером может служить новая авиабаза Бельбек в Крыму, на которой базируется 27-я авиадивизия, включающая эскадрильи Су-27/Су-30, Су-24, Су-25, МиГ-29, вертолетные эскадрильи Ми-24, Ми-8, Ка-52, а также эскадрилью дальних бомбардировщиков Ту-22М3. снабжение и тыловое обеспечение таких частей является крайне сложной задачей, и смешанный авиаполк на базе Хмеймим является еще одним примером; аварийный сбой в ее работе скорее всего не заставит себя ждать.

Проведение военной реформы, жестко радикальной во многих элементах, породило еще одну проблему: серьезную дезорганизацию системы высшего военного образования, которая особенно болезненно сказалась на подготовке кадров для ВВС. Волевым решением о слиянии двух знаменитых академий – Военно-воздушной инженерной имени Жуковского и Военно-воздушной имени Гагарина – и выводе их из Москвы в Монино (учебно-образовательный центр перенесен в Воронеж) нарушило их работу на несколько лет, не говоря уже об увольнениях среди профессорского состава. Прием курсантов в 2010-2013 годах не проводился, что означает отсутствие младшего командного звена не только в эскадрильях, но и в частях аэродромного обеспечения и обслуживания. Это означает, что недостатки в техническом обеспечении ВВС, которые приводят к рекордно высокой аварийности, являются структурными и будут нарастать.

Варианты снижения нагрузки не рассматриваются

Российские ВВС оказались в ситуации значительно более сложной, чем обычный разрыв между завышенными задачами и переоцененными возможностями. С середины 2014 года политические установки на демонстрацию воздушной мощи достигли критического уровня, тогда как финансирование в реальном измерении резко сократилось, а материальная база ухудшается при крайней изношенности некоторых компонентов. Налицо срочная необходимость в ревизии целей перевооружения и перенацеливании ресурсов на техническое обеспечение, равно как и в трезвой оценке рисков провокационных воздушных перехватов и многонедельных боевых операций. Вместо такой переоценки продолжается эскалация конфронтационных установок, а каждое вынужденное сокращение текущих заказов на вооружение сопровождается повышением плановых ориентиров милитаризации.

Энтузиазм в отношении использования воздушной мощи в качестве инструмента политики не отменяет обеспокоенности в высшем политическом и военном руководстве по поводу двух неустраняемых изъянов в боевых возможностях ВВС. Первое, давнее отставание, касается высокоточного оружия, и хотя российская пропаганда превозносит точность воздушных ударов в Сирии, на деле отсутствие «умных бомб» органически дополняет полное безразличие к вопросу о потерях среди гражданского населения. На стратегическом уровне это отставание отражается в оценках уязвимости России к точечным или массированным ударам высокоточными системами оружия большой дальности. Эта уязвимость усугубляется вторым отставанием: российские ВВС не располагают и не

рассчитывают в обозримом будущем получить на вооружение ударные беспилотные летательные аппараты (БПЛА) большой дальности класса *Predator* RQ1/MQ1/MQ9. При всем внимании к развертыванию многоярусной системы воздушно-космической обороны, российское командование не может рассчитывать на ее эффективность против комбинации ударов БПЛА и крылатых ракет, особенно в условиях электронного противодействия и кибер-атак.

Стремление компенсировать эту слабость в самых современных компонентах воздушной мощи приводит к выводу о необходимости «асимметричного ответа» на угрозу высокоточного удара, и главным инструментом такого ответа служит ядерное оружие. Модернизация стратегических ядерных сил была и остается центральным приоритетом Программы Вооружений 2020, и в ситуации затяжной и – в экономическом плане – крайне неравносильной конфронтации с Западом российскому руководству необходимо найти возможность сделать эти колоссальные инвестиции работающими. Президент В. Путин активно пытается нейтрализовать давление санкций и военных приготовлений НАТО при помощи ядерной риторики, но впечатление от этих попыток остается неубедительным. Одним из способов добиться большего резонанса может быть активизация подготовки ВВС к применению нестратегических ядерных боеприпасов.

Ядерные варианты требуют крайней осторожности в экспериментах, а уже созданные кризисы остаются подвешенными и будут требовать экстренных решений в ситуациях, где кажущаяся стабильность может смениться резкими поворотами. Самым острым кризисом в плане применения ВВС будет оставаться сирийский, в котором невозможность продолжения операции на нынешнем уровне интенсивности на протяжении нескольких ближайших месяцев дополняется отсутствием планов свертывания интервенции и сугубой абстрактностью целеполагания при постановке оперативных задач. Каким бы ни был толчок, который сделает неотвратимой дилемму развертывания в Сирии сухопутных войск либо вывода группировки ВВС, он с высокой степенью вероятности застанет российское руководство врасплох и сделает эмоциональную реакцию ключевым фактором стратегического решения.

Перелом в развитии сирийского кризиса может совпасть – а может и потребовать для переноса политического внимания – с новым обострением украинского кризиса, который «заморожен» в крайне неустойчивом и невыгодном для России состоянии. Интервенция в Сирии сделала такую «заморозку» возможной, но не вызывает сомнений тот факт, что она затрагивает только периферийные интересы Москвы, тогда как Украина остается

средоточием критически важных интересов национальной безопасности. Для реализации своих представлений об отражении угроз этим интересам российское руководство может принять решение о новом наступлении – вплоть до создания надежного сухопутного коридора в Крым. Даже если цели такого наступления будут ограничены выходом на административные границы Донецкой и Луганской областей (включая захват Мариуполя), они не могут быть достигнуты только переброской нескольких батальонов (как под Дебальцево в феврале 2015 года), а потребуют активной поддержки с воздуха. Российские ВВС безусловно способны обеспечить такую поддержку и создать перелом в ходе боевых действий, но такое проецирование воздушной силы приведет к изменению характера войны, которая перестанет быть «гибридной» и станет классическим случаем прямой вооруженной агрессии.

Вероятность такого развития событий, скорее всего, невелика, но с чисто военной точки зрения практическая осуществимость «мариупольского» варианта не вызывает сомнений, и риск эскалации является контролируемым, в отличие, к примеру, от «нарвского» варианта. Серия демонстраций силы (в первую очередь – воздушной) в Прибалтике показала, что НАТО всерьез готовится к противодействию российским «гибридным» экспериментам, поэтому отработка силовых действий на этом театре свернута. Если в Москве будет признано необходимым компенсировать неудачу в Сирии яркой победой в другом конфликте, то самой удобной целью остается Грузия, готовность которой оказать сопротивление сейчас даже ниже, чем летом 2008 года.

Сирийская авиа-интервенция показывает, что российское руководство вошло во вкус и не видит опасности проецирования воздушной силы, тогда как нарастающая аварийность показывает крайне высокую степень риска в использовании этого инструмента политики. Частично проведенная модернизация, которая вынужденно свертывается без какого-либо вразумительного плана, создала иллюзию эффективности, тогда как на самом деле ВВС стали самым слабым звеном в разбалансированной и перегруженной российской военной машине.